

Филипп
ТАГИРОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Филипп Тагиров

Автоэротизм

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Тагиров Ф.

Автоэротизм / Ф. Тагиров — «ЛитРес: Самиздат», 2016

По безжизненной постапокалиптической пустыне странствует навигатор – человек с особым даром, но благословенный ли этот дар или проклятый? И что за странная связь роднит навигатора с его машиной? Разрушенный мир замер в ожидании часа нового пробуждения, который может никогда не наступить. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. Энжи	8
2. Погоня за радугой	9
3. На нуле	12
4. «Новая надежда»	14
5. Каждый охотник желает знать...	16
6. Спасите наши души	18
7. «Все, чего вам не доставало»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Oh the machine of a dream, such a clean machine
With the pistons a pumpin', and the hubcaps all gleam
When I'm holding your wheel
All I hear is your gear
With my hand on your grease gun
Mmm, it's like a disease, son
I'm in love with my car, gotta feel for my automobile
Get a grip on my boy racer roll bar
Such a thrill when your radials squeal
Told my girl I'll have to forget her
Rather buy me a new carburetor
So she made tracks saying this is the end, now
Cars don't talk back they're just four wheeled friends now
When I'm holding your wheel
All I hear is your gear
When I'm cruisin' in overdrive
Don't have to listen to no run of the mill talk jive
I'm in love with my car (love with my car),
Gotta feel for my automobile
I'm in love with my car (love with my car),
String back gloves in my automolove
Roger Taylor, Queen

Greasy slicked down body
Groovy leather trim
I like the way you hold the road
Mama, it ain't no sin
Talking 'bout love
Talking 'bout love
Talking 'bout
Trouble free transmission
Helps your oil's flow
Mama, let me pump your gas
Mama, let me do it all
Dig that heavy metal
Underneath your hood
Baby, I could work all night
Believe I've got the perfect tools
A model built for comfort
Really built with style
Specialist tradition
Mama, let me feast my eyes
Factory air conditioned
Heat begins to rise
Guaranteed to run for hours
Mama, it's a perfect size
Grooving on the freeway
Gauge is on the red
Gun down on my gasoline

Believe I'm gonna crack a head
Come to me for service
Every hundred miles
Baby, let me check your points
Fix your overdrive
Fully automatic
Comes in any size
Makes me wonder what I did
Before we synchronized
Feather light suspension
Coils just couldn't hold
I'm so glad I took a look
Inside your showroom doors
Talking 'bout love
Talking 'bout love
Talking 'bout
I can't stop talking about love
Page/Plant/Jones, Led Zeppelin

Я положил руки на руль, и что-то произошло.

Даже сейчас, после всех раздумий, я не совсем понимаю, что это было. Может быть, какое-то смутное видение – во всяком случае, оно не было долгим. На один миг мне вдруг померещилось, что старая, ободранная обивка куда-то пропала. Сиденья вдруг оказались покрытыми приятно пахнущим винилом... а может быть, это был запах натуральной кожи. На рулевом колесе исчезли потертые места; хром успокаивающе поблескивал в лучах летнего вечера, падающих через открытую дверь гаража. «Давай прокатимся, приятель, – казалось, прошептала Кристина в жаркой летней тишине гаража Лебэя. – Давай отправимся в путь».

Стивен Кинг, «Кристина»

1. Энжи

Ее звали Энжи. Так он называл ее.

Энжи было ее имя, но Энтони было бы очень неприятно услышать, как кто-то другой так к ней обращается. *Энжи*, – тихо шевелились его губы, когда его рука поглаживала ее, подушечки пальцев медленно скользили то вверх, то вниз, то вперед, то назад. Было что-то необычайно волнующее в том, как кончики пальцев сообщали ему о местах прохладных, местах теплых и, наконец, местах по-настоящему горячих. Он прижался к ней и почувствовал легкую дрожь. Он был благодарен за эту дрожь, она была только для него, ни для кого более. Иногда ему казалось, что на всем свете господнем, во всех возможных мирах ничто и никто не мог встать между ними.

Сейчас она была гостеприимно открыта для него, приглашая войти. Он знал, что ждет его внутри. Что-то похожее на безопасность, которой он обычно был так лишен, тепло, какое-то подобие дома, место, куда ему хочется возвращаться, место, где его ждут.

Оказавшись внутри, замер на какое-то время. Он знал, что он не единственный, существовали другие люди, которые когда-то были в ней – мужчины, женщины... его отец... какая разница? Но никто не знал ее, не чувствовал ее лучше него, никто лучше него не проведал о ее секретах, никто. Энтони знал, с какой легкостью она откликалась на любое его желание, это не было дело техники, навыка или привычки, просто они были созданы друг для друга. Энжи и он, а не кто-либо другой.

Ему нравилось ощущать, как она заводится. Всякий раз, это напоминало ему какое-то мистическое пробуждение, возвращение к жизни, возрождение к жизни иной. Она задрожала сильнее – движение, ровное, постепенно ускоряющееся движение, – и мир заскользил вокруг них; но какое дело ему было до мира? Послушная его воле она еще более убыстрила движение, и мир стал сливаться в единый, исчезающий где-то в прошлом, поток.

Энжи была не просто его автомобилем. Она была возлюбленной Энтони.

2. Погоня за радугой

Капли росы, преломляющие луч света... Лист смородины, поймавший две лучезарные капли...

Встречных машин не было. Пара случайных попугачиков отстала еще час назад.

Рука Энтони в шершавой руке деда. Под ногами хрустят сброшенные деревьями сучья. Солнце заглядывает к ним ласковым невидимым оком, скрытым за вуалью зеленоватой дымки...

Шоссе рассекало пустыню бесцветных камней, истолченных временем в бесцветный песок. Подошва ноги слилась с педалью газа, пальцы ушли под черную кожу, обтягивающую руль, глаза стали лучами радара, сканирующего летящий навстречу мир, скользящие по его неровностям, алчущие... Сердце открыло клапан, и собравшийся там пар ударил по маховикам его мозга. Мозг дал сигнал – и стрелка спидометра судорожно забила у крайней отметки. Но это не помогло ему.

Не помогло ему найти...

Солнечный свет, ткущий в воздухе волшебство... Ноздри щекочет пряный хвойный дурман. Пьянящий воздух будто бы устлан мягкими иглами. Сосны подпирают своими кронами все еще влажное после недавнего дождя небо. А там, в просвете между ними...

Впереди, чуть правее от трассы, посреди каменного крошева возникло пятно грязного, серо-зеленого цвета. Дерево. Живое дерево. Нет, так он ничего не добьется. Если бы все, что ему было нужно, – это лес, ему не пришлось бы годами исчерчивать пустошь замысловатыми хитросплетениями своих маршрутов.

Он почувствовал тоненький сверлящий холодок *вторжения*, пульсирующей нитью змеящийся откуда-то сзади. Почувствовал голод чужого существа и вместе с ним – его пробуждающийся холодный азарт, замерцавшую надежду, что этот голод скоро будет утолен. И еще до того, как забила тревогу система дальнего упреждения Энжи, он уже знал, что его преобразование не прошло бесследно. Несанкционированное преобразование, хмыкнул он и мысленно сплюнул. Неужели они теперь еще и дерево спилят? С них станется. Энжи спроецировала перед его глазами карту, к самому краю которой цепко прилип оранжевый огонек. Охотник. Зацепил его преобразование, прицепился сам, пес, теперь не отстанет. Если только Энтони не успеет проложить для себя новую дорогу. Энтони понимал, что охотник постарается нагнать его до этого момента, потому что на новое преобразование могут слететься другие охотники, и тогда придется делиться, а делиться – значит не утолить голод.

Первым делом – педаль газа в пол. Энжи с готовностью втянула в себя педаль и рванула вперед сквозь слоеный горячий воздух. Так от охотника было не оторваться – как бы он ни постарался, Энтони не мог и мечтать оснастить Энжи так, чтобы можно было тягаться с Государством или Корпорацией, уповая лишь на технику и водительское мастерство, – но это позволило бы ему откусить кусок побольше от бесконечного пирога времени, выиграть еще несколько минут и выбрать именно те образы, именно те, самые верные сейчас образы.

Непомерно огромный, возвышающийся над бранным миром скелет динозавра, перемещенный Энтони сюда из какого-то зоологического музея в одном из заброшенных городов, где когда-то довелось ему побывать проездом, доставляя очередной заказ. Кость отполирована солнцем, временем и песчаными ветрами. Гигантская голова с клинками зубов, выдающими хищную природу чудовища, ребра, триумфальными арками окантовывающие проходящую под ними пыльную дорогу. И еще... черная чернильная капля, срывающаяся с острия перьевой ручки – прямо на лист бумаги, где чья-то рука небрежно набросала карту – и расползающаяся черным неровным пятном сокрытой тайны.

Дорога, по которой неслась Энжи, стала неровной, холмистой, слева, а затем впереди сквозь марево знойного воздуха замаячили горы. В ответ на это оранжевый огонек на радаре начал судорожно сокращать разделявшее их расстояние. Быстрее, сказал себе Энтони. Пока не слетелись все гончие в округе.

Стрельчатые своды готического собора, знающие единственное измерение – вертикальное. Окна с цветными витражами, иллюстрирующие жития святых, горгульи таращатся с водостоков, химеры молча повествуют о неудавшейся трансмутации животного в сверхчеловеческое. Кованые врата собора, мощные железные створки, украшенные библейским сюжетом. Иона, проглатываемый китом, огромная пасть кита... И все же врата недостаточно широки, чтобы Энжи могла проехать меж их створок. Энтони чувствовал, что на последовательное развитие образа времени ему может не хватить... И тогда: огромное темное щупальце, высовывающееся меж кованых створок и толчками пробивающее себе проход изнутри собора. И... черное чрево там, по ту сторону врат.

Горы прыгнули почти к самой дороге. Дорога завилыла, нанизывая на их маршрут поворот за поворотом. Оранжевый огонек на радаре отчаянно пытался свести дистанцию между ними к нулю. Чертов любитель интима, – беззлобно выругался Энтони. Он не мог позволить себе злости, не сейчас, не посередине навигации. На экране заднего вида сквозь пелену пыльного шлейфа, взметнувшегося из-под колес Энжи, уже проглядывал силуэт машины охотника. Вот и визуальный контакт. На карте появился еще один огонек. А нет, два. Причем один из них фиолетовый. Только Корпорации ему еще тут не хватало. У охотника, сидевшего на хвосте Энтони, оставалось все меньше и меньше шансов утолить голод. Энтони мало кого действительно боялся, но охотников, доведенных до грани отчаяния, когда они могли в обход всем инструкциям пойти на крайние меры, стоило опасаться.

Скелет динозавра, собор... этого было недостаточно, требовалось что-то более реальное, более личное. И, похоже, Энтони нащупал это, беспроигрышную комбинацию, козырного туза... точнее даму.

Тяжелый благородный запах книжной пыли. Стеллажи с выпуклыми корешками. Рука Летиции, увлекающая его следом. Книжки, падающие у него из рук, ударяющиеся об пол библиотеки, раскрывающие страницы. Дыхание Летиции рядом, дыхание Летиции на его плече, на его лице, дыхание Летиции в его дыхании, сладкий библиотечный воздух, циркулирующий между их легких.

Энтони показалось, что что-то изменилось. Это было странно, он еще не закончил преобразование. Что-то с дорогой? С их скоростью? Энжи? Или это охотник пустил в ход что-то из своего арсенала?

Край платья Летиции. Невесомый ситец, скользящий вверх. Тоненькие светлые волоски чуть щекочут его нос, когда он касается губами аромата ее кожи. Летиция закрывает глаза, чуть откидывает голову назад, упираясь затылком в книжную полку, и начинает декламировать кого-то из неизвестных Энтони классиков. Прекрасные, исполненные радости слова, прекрасная темная глубина, ожидающая впереди, исполненная обещания если не счастья, то избавления...

Энтони почувствовал, что на этот раз навигация состоялась. Прямо по курсу в скалистой стене Энтони разглядел черный проем пещеры. И вместе с тем он заметил, как движение Энжи становится все более неровным, сбивчивым, и, что самое тревожное, замедляется.

– Черт! – выкрикнул он. – Что за?.. – охотник вынырнул из-за ближайшего поворота и был уже почти у него за спиной.

И тут Энтони понял. О, Господи! Нет, Энжи, нет, что ты! Энжи, все хорошо, брось!.. Энжи, я же пытаюсь спасти нас, глупенькая... Что ты там себе надумала? Энжи, Энжи, Энжи, моя маленькая, моя дорогая, моя единственная...

Он с облегчением отметил, что их скорость снова возрастает, движение выравнивается, а вместе с тем услышал частый ритмичный звук позади и понял, что у охотника сдали нервы. Уходить от автоматного огня сейчас было просто пределом его мечтаний. Все самые лучшие аттракционы по цене одного. Государственные гарантии. Энжи вздрогнула, похоже, несколько пуль задела ее. А ты что ждала, милая? Нашла, когда показывать характер. Пещера приближалась, однако, похоже, ее зев был слишком узок для них, без еще одного преобразования она не сможет принять их. Пожалуйста, Энжи, потерпи еще немного, – прошептал он. Ответа не последовало.

Летиция...

Энжи дернулась вправо, тут же резко упала скорость. Да черт подери! Что же еще он может сейчас представить, реальное, личное?

Черный провал бензобака. Он медленно поглаживает его края пальцами. Они с Энжи на заправочной станции. В его руке пистолет, с его конца срывается капелька бензина. Он подносит пистолет к проему бензобака и медленно погружает его ствол внутрь. Энжи вздрагивает. Он нажимает кнопку и чувствует, как под давлением бензина напрягается шланг, соединяющий колонку и пистолет в его руке.

Пещера впереди обратилась широким туннелем, прятавшим свою темную утробу в глубине скалы. Энтони снова вдавил газ и под истеричный стрекот автомата охотника нырнул в туннель. Кромешный мрак внутри, казалось, высосал из подземного пространства не только свет, но даже сам воздух, но это было не важно: радара и фар Энжи было более чем достаточно для Энтони, чтобы ориентироваться в созданной им самим пещере. Он сделал несколько поворотов и, заглушив двигатель, прислушался. Ничего. За ним никто не ехал. Энтони оценил здравомыслие охотника, восторжествовавшее над терзавшим того голодом.

Мало кто рискнул бы последовать в пещерный лабиринт за навигатором.

Энтони сверился с радаром, сделал еще пару незначительных преобразований, чтобы, слегка переключив пещеру, обвалить позади себя стену и наметить себе выход с другой стороны горного хребта и увидел, как иронично замигал сигнал на приборной доске. Хочу бензина, говорила Энжи. Будто бы он своим воображением, пока совершал навигацию, распалил ее жажду.

– Ты ведь не притворяешься? – спросил он.

И ответил себе:

– Конечно, нет. Хотя лучше бы ты притворялась. Где ж я тебе здесь найду заправку, милая?

3. На нуле

Солнце выжгло почти все краски этого мира. Немая, какая-то почти бесцветная пустыня казалась накрытой таким же пустым и бесцветным небом. Серые от пыли стебли сухороста и редкие кустики пустошника учились не отбрасывать тени, чтобы вместе с тем ускользнуть от солнечного жара. Горячий ветер, то вдруг приходящий из ниоткуда, то беспричинно теряющий себя среди выгоревших камней, был обесцвечен до полной прозрачности. Скитальцы перекаати-поле, подпрыгивая, катились прочь, но Энтони-то хорошо понимал, что, куда бы они ни ушли в своем странствовании, повсюду их будет ждать только немая и бесцветная пустыня.

В этой же бесцветной пыли почти по щиколотку утопали и армейские ботинки Энтони. Утопали не первый год. И едва ли не безнадежно. Энтони захлопнул дверцу Энжи и, не спеша, направился к обветшалой и покосившейся камерке заправщика. Деревянные доски, местами обшитые металлическими листами, похоже, изнутри уже давно и упорно точил древод. Энтони машинально провел пальцем по облупившейся краске и активировал терминал заправки. Ну, сколько тебе, девочка моя? – мысленно обратился он к Энжи. – По полной, да? И с недоумением уставился на монитор, когда терминал сообщил ему, что не получится не только «по полной», но и вообще никак. Энтони забрал пустой чип и достал из кредитницы другой. Он тоже оказался пуст, высосан до последней копейки. На третьем обнаружился положительный остаток, но его было явно недостаточно, чтобы утолить жажду Энжи. Наконец, Энтони посчастливилось вытащить чип, на котором хватило кредитов, чтобы расплатиться за бензин.

– Проблемы, сынок? – участливо спросил показавшийся из камерки заправщик, пока Энтони наполнял бак Энжи.

Энтони покачал головой и поблагодарил за заботу.

– Может, ищешь, где подзаработать? – поинтересовался заправщик, приближаясь.

– А что за работа? – спросил Энтони.

– Разная работа, – отозвался мужчина, задумчиво ковыряясь в ухе. – То, сё, пятое, десятое.

Энтони кивнул. Когда-то и ему приходилось цепляться за любой шанс сорвать десяток-другой кредитов. И эта работа по преимуществу тоже была *пыльная* работа.

Садясь в Энжи, он махнул на прощание заправщику, и тот помахал ему в ответ. Да, конечно, сейчас у тебя есть работенка получше, но стоит ли зарекаться, кто знает, может, уже завтра я буду для тебя единственным просветом к литру горючки и глотку воды?

Тронувшись с места, Энтони пробил по компьютеру свои чипы – действительно, голяк или близко к тому. Он представил места, где его могли ждать, где он был свой, и подумал о том, как же он сейчас далеко от тех мест. Так далеко, что, наверное, не существовало такой навигации, которая могла бы привести его в те края.

Он еще какое-то время посмаковал последние минуты вольного странствия, вкушая, как они с Энжи протыкают собой бессмысленное, но по-своему величественное пространство Пыльной пустыни, и даже представил на кратчайшее мгновение, как он преобразовывает хоть крохотный уголок этой пустыни, как *из трещин в сухой земле начинает пробиваться сочная молодая зелень, как справа, пока еще у самого горизонта, выстраивается настоящий лес*, как... – и быстро одернул себя. Даже не будь он сейчас обнуленным, выжатым и опустошенным последней навигацией, навряд ли он решился бы на новую – уж больно крутой переполюх, как ему представлялось, должен был он поднять среди охотников, и было бы неосмотрительно или даже безрассудно на какое-то время не уйти с радара и не залечь на дно. Ну что ж, прощай вольный стрелок, здравствуй, господин почтальон.

Он попросил Энжи соединить его с координатором, да, как всегда, по защищенному каналу, да, лучше сейчас, и да, он бы тоже предпочел, чтобы они и дальше мчались навстречу

радуге, но да, милая, ты же все понимаешь, чтобы кормить и ухаживать за тобой и чтобы снова и снова догонять ускользающую радугу, как ни банально, нужны эти чертовы кредиты.

Координатор предложил Энтони стандартный заказ: доставка того-что-никто-не-должен-видеть из пункта А в пункт Б. Энтони оценил иронию, услышав, как называется пункт А, и криво усмехнулся. Энжи уже проложила маршрут и взяла управление на себя, прямо до пересечения с XR00S62, потом на восток, до tY18G54, потом на юг, точнее, на юго-юго-восток, а там уже и приехали.

Энтони оторвался от карты и увидел три дрожащие иглы, воткнутые в горизонт далеко впереди. *Пока еще* далеко, никогда не знаешь, чего ждать от пылевых смерчей. При благоприятном раскладе он помашет им ручкой, уже удаляясь по XR00S62. При неблагоприятном – придется трястись по бездорожью, обходя напасть. О самом неблагоприятном раскладе Энтони предпочитал не думать. Если один из этих смерчей накроет Энжи, единственным спасением для них будет только новая навигация. Но в настоящий момент первый расклад представлялся ему наиболее вероятным. Чуть прибавить газу и показать язык сукиным детям, я не ваш, я ушел.

Энтони снова припомнил детали полученного заказа и посмеялся. Место, где он должен был забрать «посылку», называлось «Новая надежда».

4. «Новая надежда»

«Новая надежда» оказалась безрадостным, нищим селением. Налитый кровью далекий шар, поднимавшийся на востоке над грядой холмов, высветил все то, что ночь стыдливо скрывала. Энтони прикрыл за собой заедающую и скрипучую дверь фургончика, переоборудованного под мотель, где он провел остаток ночи, и отметил, что другие фургоны, служившие жилищем местным, и немногие сохранившиеся лачуги, как правило, не могли похвастаться наличием даже такой двери. Проемы в их слепых, изъеденных ветром, песком и безнадегой лицах занавешивали куски выгоревшей ткани и какой-то целлулоидной дряни. Над станцией заправщика криво торчал переживший Катаклизм щит со все еще разборчивым и вселяющим непоколебимый оптимизм лозунгом старой Корпорации: «Наши дороги – путь к Вашему успеху». По дороге мимо заправщика, равнодушное к любым обещаниям, катилось одинокое перекасти-поле. Толстая женщина с мозолистыми руками кивнула ему от ближайшей хибары, откуда доносился прогорклый запах горелого масла. Он кивнул в ответ, но больше рассеянно, чем приветливо. Он расплатился за ночлег еще по прибытии – спасибо координатору за перечисленный аванс – а завтракать он обычно предпочитал с Энжи. Энтони закурил. Дальше по пыльной улице одна из лачуг с трудом выплюнула пару стариков, в лохмотьях и босых, которые, покачиваясь и показывая на него друг другу, неуверенно двинулись в его направлении, и Энтони понял, что, похоже, ему стоит валить из этого позабытого богом места, пока «Новая надежда» не впитается в его душу, как ее запах уже впитался в его волосы и одежду. Мистер Инкогнито, передавший ему посылку, не стал задерживаться здесь и минутой больше, чем потребовалось, чтобы удостовериться в том, что Энтони – именно тот человек, которого прислал координатор, и вручить ему груз. Энтони и сам готов был последовать его примеру, но несколько часов сна настойчиво требовали его внимания, и соблазн поспать на кровати оказался слишком велик. Это не было для Энжи, припаркованной тут же на стоянке, изменой, ведь снилась ему она, Энжи, она и радуга.

Старики медленно приближались, но теперь уже Энтони видел, что тычут своими пальцами они не в него, а в пыльное облако, нарисовавшее себя на дороге за его спиной. Хозяйка мотеля тоже с интересом взидала на приближающегося гостя. Да, похоже, чужаки здесь бывают нечасто, а тут меньше, чем за сутки, уже третья машина – есть, чему удивиться. Даже если бы он просто проехал мимо, это бы уже добавило удивленно поднятую бровь на высохшем безучастном лице любого из местных жителей, и когда большой черный внедорожник притормозил рядом с пустующей парковкой, это не могло не привлечь всеобщего внимания, пусть и прикрытого дерюгой напускного безразличия. Энтони посмотрел на машину одновременно с каким-то восхищением и с тревогой. Это смешанное чувство было вызвано мощной лаконичностью ее форм, сквозь которые проявляло себя что-то определенно маскулинное, спокойным, но могучим гулом двигателя, толстым слоем песчаной пыли, украшавшим его, как воина украшает запекшаяся на его теле кровь врагов. Кто мог явиться сюда на таком звере? Энтони понимал, что это едва ли простой путник, оставалось надеяться, что это не копы под прикрытием, не очередной охотник и не какой-нибудь окольцованный навигатор. Прочие «крутые ребята» мало волновали Энтони, какое им дело до случайного странника? Если только... Если только, конечно, дело не в заказе, который получил Энтони и не в запечатанном чемодане, который сейчас покоился в багажнике Энжи. Не спуская глаз с внедорожника, Энтони пошел к Энжи, которая не преминула подмигнуть ему фарами, приветствуя.

Дверь черной машины распахнулась, и на землю спрыгнула женщина. Она слегка подтянула брюки, скорее, по привычке, нежели осознанно, огляделась, махнула не то Энтони, не то толстухе и направилась к терминалу заправщика. Энтони стало любопытно, одна ли она приехала, если да, то оснований для тревоги, вроде бы, не было – ни на копа, ни на охотника она

не походила да и вела себя так, как если бы не имела ни малейшей заинтересованности ни в Энтони, ни в его грузе. Она сосредоточилась над монитором терминала, а Энтони, окинув прощальным взглядом «Новую надежду» и тех немногочисленных ее жителей, коих он мог лицезреть в настоящий момент, открыл дверцу Энжи.

– Извините? – как-то немного растерянно прозвучало сзади. Женщина стояла у терминала и смотрела на Энтони. Ветер чуть трепал ее короткие, остриженные почти по-мальчишески, темные волосы. В руках у нее была черная кредитница, может быть, тоже возникли проблемы с оплатой горючего?

– Эй! – вдруг воскликнул один из стариков и, похоже, забыв про своего друга, вместе с которым они плелись по улице, быстро заковылял в их сторону. – Эй, я помню тебя!

Женщина отшатнулась, кинула на Энтони еще один взгляд и поспешно забралась обратно в свою машину.

– Я тебя помню! – настаивал старик, стуча кулаком по кузову внедорожника.

Мотор рыкнул, колеса бросили в Энтони и остальных, кто был рядом, пару пригоршней песка, и внедорожник рванул прочь.

Энтони сел в машину; что бы ни означало все происходящее, какие бы воспоминания так ни терзали старика, и кем бы ни являлась эта женщина, пьеса явно была не про них с Энжи.

5. Каждый охотник желает знать...

Доставить «посылку» не составило труда, координатор не обидел кредитами и был воодушевлен возможностью предложить Энтони новый заказ, однако у того были другие планы на ближайшие день-два. Услышав об этом, координатор несколько охладел к разговору и сухо добавил, что заказ, скорее всего, дождется его, правда, Энтони потеряет процент за срочность.

Каждый. Чаша багряного вина. Лепестки роз, алеющие вдоль улицы, по которой возвращались триумфаторы. Кусок сырого мяса, настоящего, никакой синтетики, красный, сочный. Солнечный диск в минуты заката над запретным морем.

Охотник. Кожура апельсинов, отрывающаяся неровными, неповторяющимися кусками, беспорядочно оставляемая на столе, чтобы усохнуть, и треть стакана выжатого сока. Оранжевые осенние листья, шуршащие под колесами Энжи, проезжающей по ним медленно и почти беззвучно, словно бы захваченной этим чудом. Солнечный диск спустя полчаса после восхода.

Желает. Спортивный автомобиль вызывающе-желтого цвета, брошенный посреди площади какого-то очень старого города. Обручальное кольцо матери, хранящееся в ящике туалетного столика после смерти отца, вдруг извлеченное и блестящее в лучах солнца. Огонек на карте, тревожно свидетельствующий о том, что Государственный Охотник взял твой след. И, наконец, песок в пустыни, но не этот, полинявший, выгоревший, а настоящий, еще хранящий свой цвет.

Знать. Чешуя трехглазого полоза, скользящего в траве Благословенного оазиса, где жил его дед. Стена бамбуковой чащи из снов о месте, в котором ты никогда не был. Капля на листе ольхи, оставшаяся после дождя, прозрачная и оттого без усилия впитавшая в себя цвет листа.

Как сложно подбирать образы к семи цветам, подумал Энтони. Когда-то это было бы плевым делом – просто посмотри по сторонам или прокрути в голове киноленту прошедшего дня. А сейчас приходится опираться либо на почти истершиеся воспоминания, либо на то, что ты увидел когда-то в старом кино или на фотографии или о чем, живо воображая, как это должно было бы выглядеть, прочитал однажды в книжке. Хотя, конечно, в больших городах с красками дела обстоят лучше, но это – в больших городах, а не в этой бесцветной пустоши.

Где. Тонкие линии вен, проглядывающие сквозь бледную кожу руки. Волосы ожившей куклы Мальвины из детской сказки. Мудрые глаза сиамского кота, отстраненно взирающего на мир со страницы перекидного настенного календаря на заправочной станции.

Сидит. Шарф, брошенный на заднее сидение, забытый кем-то, кто уже и сам почти забыт.

В мире искусственных вещей красное, синее, желтое – не то, что родилось красным, синим или желтым, а то, что было покрашено в эти цвета. В мире пустынных дорог, брошенных машин, оставленных обветшалых лачуг цвета выцвели, краска облезла. Важна ли разница между синим и покрашенным в синий? Цвет же один? Или это еще один закольцованный маршрут, тасующий карты на новый лад, не взирая на то, что карты-то все старые? И радуга, к которой он может, в конце концов, привести Энтони, будет лишь картинкой на покосившемся рекламном щите?

Небосвод в краткий, ускользящий миг сумерек, возникший в собственном ускользании, явленный для того, чтобы ускользнуть.

Фазан. Язык девчонки, только что вдоволь наевшейся черноплодной рябины. Огонек на карте, показывающий, что Корпоративные копы собираются вот-вот схватить тебя за задницу.

Энтони кажется, что на этот-то раз все должно получиться. Сверлящий холодок... Чей-то голод... Энжи, как нож портного, рассекает материю пустынного мира, ткань реальности выворачивается, приоткрывая свою изнанку, набегают облака, затем тяжелые мрачные тучи, черноту вокруг озаряют несколько молний, в их свете Энтони мерещатся исполинские деревья, уходящие своими стволами в недостижимую высоту, так высоко, что даже не видно крон, мерещатся скелеты кораблей, медленно покачивающихся на невидимых ядовитых волнах над его головой, мерещатся звезды, пошатнувшиеся и низвергнувшиеся со своих мест по странным спиральным траекториях, растянувшиеся в светящиеся доплеровские нити, опутавшие Энжи своей раскаленной паутиной, закрутившие Энтони до головокружения – и затем выплюнувшие его ускользящее сознание назад в мир пустоши и ее пыльных дорог.

По одной из которых и мчалась сейчас Энжи. Голова продолжала кружиться, к горлу поднялся тошнотворный ком, но Энтони, не сбавляя скорости, принялся вглядываться в блеклое безоблачное небо за лобовым стеклом, затем он прилип к окну дверцы, взгляд метался из точки в точку, выискивая, вымаливая...

Резко, как только мог, вдавил педаль тормоза. Энжи изумленно взвизгнула, как будто бы получила удар в спину, и остановилась, подняв облако душной пыли. Он распахнул дверь и выскочил наружу, шаря глазами вдоль линии горизонта, ноги не держали, и он повалился на жесткую, иссушенную солнцем землю. Перевернулся на спину. Небо висело над ним, как проклятие, жаркое, прозрачное, пустое.

Мир вокруг стал как-то раскачиваться, темнеть. Где-то в глубине головы начала разрастаться жгучая пульсирующая боль. Энтони понял, что, во что бы то ни стало, ему нужно вернуться в машину до того, как он потеряет сознание. Оказаться в отключке, лежащим ничком посреди пустыни, позволить себе он уж никак не мог... Кроме того, его навигацию наверняка заметили, и скоро дорога будет дрожать под колесами приближающихся охотников. Энтони попробовал сесть, земля капризно перевернулась и ревниво прижалась к его щеке какими-то горячими и острыми камушками. Он снова попытался собрать остатки сил и пополз к Энжи на четвереньках. Распахнутая дверца была совсем рядом. Последнее, что почувствовал Энтони, прежде чем его пожрало беспмятство, была такая родная теплая кожа на водительском сидении Энжи.

6. Спасите наши души

Энтони открыл глаза. По его груди задумчиво перебирал своими когтистыми лапками клещевост. Тварь была средних размеров – величиной с кулак подростка. Острое жало поблескивало в паре десятков сантиметров от его лица, беззлобно, но смертоносно. Стараясь невзначай не напугать незваного гостя, Энтони аккуратно огляделся. Он лежал в машине, на водительском сидении, ноги свешивались наружу. Именно поэтому Энжи и не смогла закрыть дверь, что и позволило пустынному страннику принять неподвижное тело Энтони за продолжение мира пустыни.

Энтони протянул руку назад, открыл бардачок, пошарил наощупь, пальцы ухватили корешок книги. Ладно, книга тоже подойдет. Самое время почитать. Вслух. Теперь, похоже, есть кому. Клещевост повернулся к Энтони, и тому показалось, что насекомое смотрит ему в глаза. Черные бусинки резали своим взглядом из-под панцирных дуг, и Энтони показалось, что он впервые видит одновременно полное отсутствие разума и вместе с тем какую-то странную, неведомую ему мудрость. Этот взгляд завораживал, гипнотизировал своей непостижимой природой, чуждостью всему, что знал Энтони, что он ценил или презирал.

Энтони не любил насекомых, что, как он полагал, роднило его с большинством людей. Однако однажды насекомые уже сыграли в его жизни роль, которая во многом предопределила то, кем и каким он стал. И нынешняя встреча могла закончиться для него тоже чем-то большим, чем просто перевернутой страницей с эпизодом из жизни в пустоши. А могла завершиться и крайне неприятным образом. У Энжи был запас противоядий, но даже если противоядие успеет подействовать, несколько часов агонии были бы Энтони обеспечены. При этом он не очень представлял, как долго был без сознания, – если его навигацию заметили, на его след могли уже выйти охотники.

Замри, сказал он себе. Его рука стала медленно двигаться, замахиваясь. *Остановись*. Это пришло как-то помимо его воли, просто просочилось из прошлого, словно бы не было всех этих лет. *Останови свои мысли. Не думай*. И вместе с угасанием мысли, помимо или, точнее, независимо от его воли, рука, сжимавшая книгу, сама вдруг резко распрямилась именно по той дуге, по какой было нужно, Энтони услышал сухой стук и увидел членистоногую тень, выброшенную его ударом назад в пустыню.

Энтони поджал колени, и Энжи закрыла дверь. Дисплей тревожно мигал. «Извини, – сказал Энтони, – я был слишком беспечен и заставил тебя поволноваться». Он посмотрел на книгу, которую достал из бардачка. «Сад расходящихся тропок» было написано на обложке. На другой стороне после удара осталось неприятное влажное пятно и несколько коротеньких не то усиков, не то щетинок. Дисплей продолжал мигать. «Ну прости же», – повторил Энтони, располагаясь в кресле привычным образом, и понял, что Энжи вовсе не намерена его сейчас выговаривать. По защищенному каналу транслировалось какое-то сообщение. Канал был секретным, и Энтони даже не смог точно вспомнить, когда ему доводилось принимать по нему сигнал, не говоря уже о том, что такого сигнала он вообще никогда получал. S.O.S. Спасите наши души. S.O.S. Возможно, приди такое послание по другому каналу, он бы сначала хорошенько призадумался, попытался оценить ситуацию, но не в данном случае. Энжи, предчувствуя его реакцию, предусмотрительно включила мотор и развернула перед ним карту, где пульсирующей звездочкой был обозначен источник сигнала. Почти рядом, мелькнула мысль, и, вдавливая педаль газа, Энтони почувствовал, как его охватывает сильное волнение. Частотный спектр, на котором шла трансляция, был каналом, использовавшимся для общения дикими навигаторами.

Солнце уже давно перекатилось за точку зенита и медленно клонилось в сторону далеких гор на западе. Энжи послушно несла Энтони следом за солнцем, и он мог повниматель-

нее взглянуть на карту. Источник сигнала тоже прибывал в движении, он перемещался в паре десятков километров на северо-запад, выходя на пересечение с ioG84, по которой ехал сейчас Энтони. Странно, что могло там случиться? Энтони немного будоражила мысль, что рядом находится другой неокольцованный навигатор, хотя он, привыкнув к жизни странника-одиночки, наверняка постарался бы избежать встречи, если бы этот навигатор не оказался в беде. Когда поступил сигнал, Энтони почему-то первым пришло в голову, что у пославшего его кончился бензин, и он по каким-то причинам не может связаться со своим координатором или с кем-то еще из своих контактов. Однако то, что навигатор куда-то ехал, причем, как понял Энтони, на очень высокой скорости, могло означать, что либо ему срочно требуется медицинская помощь, либо его преследуют. Энтони не знал, сможет ли он оказать квалифицированную помощь, случись в том нужда, это, конечно, зависело от характера проблемы. Если же дело было в охотниках, севших на хвост бедолаге, то он мог, спасая несчастного, и сам попасться к ним в лапы, и тогда бы охотники заполучили двух неокольцованных навигаторов «по цене одного». И еще это могла быть ловушка, но Энтони не хотелось верить, что Государство или Корпорация заполучили формулу частотного спектра диких навигаторов. Он попросил Энжи просканировать район, но мощности ее радара было недостаточно, если кто-то и преследовал навигатора, он пока оставался для Энтони невидим.

Он прибавил газу. Расстояние постепенно сокращалось. Если водитель, посылающий сигнал, не изменит направления, то километров через пятнадцать их траектории должны пересечься.

Энтони подумал было выйти на связь и запросить о причине столь серьезного сигнала, но сдержался. Выйти на связь значило раскрыться, и он бы хотел избежать этого по крайней мере до того момента, как поймет, что вообще там происходит.

Энжи сильно трянуло. Асфальтированная дорога кончилась, и дальше Энжи уже мчалась по ухабистой грунтовой дороге. Нужно было сбавить скорость, но тогда он мог разминуться с преследуемым автомобилем. Можно было бы, разумеется, одним-двумя штрихами облегчить Энжи ее задачу – не проложить новый асфальт, конечно, но разгладить выбоины в земле, однако Энтони опять же не хотел рисковать – если где-то поблизости охотники, он будет у них прямо как на ладони.

– Потерпи, дорогая, – сказал он Энжи. – Если что-то отвалится, обещаю починить тебя при первой же возможности.

Он крепче сжал штурвал и принялся вилять, объезжая особо глубокие ямы. Энжи включила ближний сканнер и автокорректировку, пытаясь ему подсобить, однако Энтони не мог понять, помогает ли это ему или наоборот, путает. Энжи то и дело подбрасывало – на такой скорости обойти все выбоины было задачей невыполнимой.

Источник сигнала, наконец, вошел в зону видимости радара. Вместе с ним на карте высветились и его преследователи. Энтони почувствовал некоторое облегчение – худшие его предположения пока не подтвердились. За звездочкой с интервалом метров в пятьсот тянулся хвост из трех синих огоньков. Синие огоньки – меньшая из бед, подумал Энтони. Хотя, естественно, никто не смог бы поручиться, что в одной из машин копов не сидит охотник.

Слева от трассы зазмеилась расщелина. Энтони надеялся, что ей не вздумается где-нибудь впереди вдруг метнуться вправо и обрубить дорогу, по которой он несся. Все его внимание было поглощено тем, чтобы не угодить на какой-нибудь коварный ухаб и не перевернуться, поэтому он никак не мог разглядеть, как себя ведет эта расщелина дальше. Наконец, воспользовавшись относительно ровным участком дороги, Энтони сумел приглядеться, как следует: и карта, и радар сходились на том, что расщелина и дальше продолжает ползти параллельно с трассой, не пересекая ее.

Он снова прикинул, где преследуемый навигатор должен был выйти на ioG84. Судя по всему, мчался он по бездорожью, что при его скорости показалось Энтони почти самоубий-

ством. При этом и те, кто сидел у него на хвосте не отставали, сохраняя примерно ту же дистанцию, что и когда Энтони их впервые заметил. Процессия стала постепенно изменять угол пересечения с трассой Энтони – видимо, навигатор рассчитывал, как лучше вписаться на iоG84, чтобы при этом сдать своим преследователям как можно меньше разделявшего их драгоценного метража.

Если это всего лишь копы, то отчего же тот навигатор не использует свой козырь? Одна-две небольшие навигации избавили бы его от хвоста. Может быть, он надеется, что его преследователи не в курсе того, что он навигатор? И не хочет, чтобы в дело включились еще и охотники? Или он просто вымотан до измождения недавней навигацией? Или..? Энтони почувствовал, как по его телу пробегают мурашки. Или он Угрюмый навигатор?.. От этой мысли захотелось сразу же остановить Энжи. Возможно, даже развернуться и постараться поскорее убраться из места, которое вот-вот могло стать проклятым. Однако он не остановился. Если даже это Угрюмый навигатор, возможно, он все еще человек. И ему нужна помощь. Если так, то, пожалуй, больше, чем кому-либо еще.

Энтони включил связь. Энжи тут же настроила его на закрытый канал.

– Фомальгаут – преследуемому навигатору. Прием. Фомальгаут – преследуемому навигатору, – он назвал примерные координаты, где сейчас находилась пульсирующая звездочка.

В ответ – только тишина. Все-таки ловушка? Или какие-то проблемы с передатчиком, и он может посылать только сигнал бедствия?

Чувствуя, как с каждой минутой он все глубже увязает в непонятной и потенциально весьма опасной для него ситуации, Энтони повторил свой запрос. Сначала опять было тихо, но потом вдруг эфир ожил и выплюнул какое-то напряженное шипение.

– Фомальгаут – неизвестному навигатору. Вас не слышно, повторите. Прием.

– Прием? Прием, кто это? – вдруг раздался женский голос. Он звучал взволнованно и, как показалось Энтони, на грани истерики. – Вы поймали мой S.O.S.?

Энтони почувствовал, как удивленно поднимается правая бровь, потом нахмурился.

– Я поймал ваш S.O.S. Иду вам на перехват, вы должны видеть меня на радаре, сообщите ситуацию. Прием.

– Я вижу вас, – после короткой паузы последовал ответ. – У меня на хвосте полиция. Мне нужна помощь, – голос дрогнул. – Если только вы не с ними...

Энтони кивнул сам себе. Существенная оговорка.

– Нет, я не с ними. Дайте мне пару минут. Постараемся что-нибудь придумать.

– Да, – прозвучало из динамика, – хорошо...

– Стойте, – внезапно спохватился Энтони, – а почему вы не *навигируете*? Среди них есть охотник?

– Охотник? Не знаю. Мне кажется, что нет. Не могу навигировать.

– Почему? Вы убили кого-то?

– Что? – переспросил голос, – А, нет, не в этом дело. Не могу я! Послушайте, помогите мне, если можете! Пожалуйста!

В этот момент поверх их разговора ворвался новый сигнал. Копы заинтересовались его присутствием на своих радарх и приказали ему немедленно идентифицировать себя и остановиться.

– Вы находитесь в зоне проведения полицейской операции, – рявкнул чужой неприятный голос.

Энтони ничего не ответил и убрал звук с этого канала. Пусть еще немного поломают голову. Хотя, может быть, стоило бы ответить и прикинуться каким-нибудь обычным курьером, чтобы чуть заглушить их настороженность, но это значило бы, что он точно их услышал – и проигнорировал их приказ.

– Эй, – сказал он навигатору, – вы здесь? Прием.

– Прием! Да! – отозвалась женщина. – Они наседают, не знаю, сколько еще смогу уходить от них...

Энтони еще раз сверился с картой и радаром.

– Видите расщелину южнее трассы? Когда выйдете на дорогу, постарайтесь держаться четко ее границ. Вы поняли меня? Подтвердите, что все поняли, прием.

– Не поняла, но буду четко держаться дороги. Что вы хотите сделать?

– Увидите. Я сейчас отключусь. Действуйте строго, как договорились.

– Хорошо, – неуверенно прозвучало из динамика. – Строго держаться дороги.

Энтони выключил связь. Оставалось всего пара минут, а работа предстояла филигранная.

Солнце все больше наливалось сочным, тяжелым цветом, опускаясь к горизонту. Справа колыхались холмы, покрытые жиденьким сухим кустарником, из-за которых вот-вот должна была показаться преследуемая машина и погоня. Слева зияла брешь провала, ширина расщелины менялась от метра до двух-трех. Энтони не знал, справится ли он с ней со всей, но стоило бы ухватить как можно более длинный кусок. И расширить на всякий случай.

Хирургическая игла, схватывающая края распоротой плоти, рука, осторожно, напряженно, тянущая нить, затягивая стежок. Снова протыкаем кожу, не слишком близко к первому стежку, но и не слишком далеко. Второй... Третий... Скальпель, делающий надрез рядом, параллельно зашиваемой ране, и по мере того, как края раны сходятся, углубляющий и расширяющий новый надрез.

Он пересаживает молодое деревцо. Сначала выкапывает яму, пустоту, там, где оно будет расти, потом аккуратно, стараясь не повредить корней, подсовывает под него острие лопаты. Извлекает его из земли и опускает в землю. Оставляет пустоту и заполняет пустоту... Только все наоборот: он переносит не дерево, а саму пустоту, вырывает ее слева и...

Дорога задрожала, над расщелиной выстрелило облако песка и каменной пыли. Главное: не поторопиться и не опоздать.

Из-за холмов справа выскочил огромный механический зверь. Краешком сознания Энтони отметил, что уже видел этого мужественного черного красавца, и подивился: не слишком ли широка была пустыня для таких совпадений?

Внедорожник шел уже почти под минимальным углом к шоссе. За ним, метрах в трехстах неслись полицейские машины. Они старались, воспользовавшись маневром внедорожника, пойти ему наперерез, но процессия все более прижималась к трассе. Это спутывало все карты. Энтони чертыхнулся и включил связь.

Тихо, сказал он себе, тебе нельзя ослабевать хватку. Нельзя выпустить то, что ты уже держишь в своих ладонях.

– Фомальгаут – навигатору. Сейчас же выворачивайте влево и выезжайте на трассу, как есть.

– Но вы же сами сказали, что... когда на трассе... идти строго по ней... Если я выскочу на нее сейчас, я пролечу мимо, а там провал...

Энтони сжал зубы. *Тихо. Все сложится. Он переносит дерево. Не дерево, а пустоту. Вырывает ее слева...*

– Сейчас же на трассу. Если верите мне. Иначе все пропало.

Водитель внедорожника внял его команде. Черный великан резко, на грани заноса, взял круто влево и бросился в сторону юG84 и пролегающей за трассой расщелины. Полицейские сразу же скорректировали свой маршрут, выиграв еще пару десятков метров.

... и пересаживает ее направо. Пустоту. Как дыхание в темноте. Как голодный бензобак. Как удар палочки по барабану, которого нет.

На какое-то мгновение дорога резко заметалась под колесами Энжи, все потонуло в каменной пыли, потом Энтони увидел, как огромная черная тень мелькнула впереди, проско-

чила мимо шоссе, запрыгала по камням слева, по дуге вырвав обратно на шоссе. Из динамика повалил густой колючий шум и чьи-то крики, будто бы одновременно включилось сразу несколько каналов. Потом эта какофония стихла. Энтони посмотрел направо. Копы затормозили почти у самого обрыва, вдруг разверзшегося перед ними, кто-то выскочил из машины. На самом деле, очень скоро они отойдут от шока и примутся вглядываться в картинку радара, изучая, как далеко протянулась эта неожиданная напасть. И Энтони знал, что протянулась она недостаточно далеко, и, если они возьмутся ехать вдоль расщелины, очень скоро снова сядут им на хвост. Можно было бы, конечно, рвануть прочь по бездорожью... Можно, но Энтони понимал, что Энжи уже досталось, пока они тряслись по грунтовой дороге, и гонку по холмам и оврагам она могла уже не сдюжить. Поэтому их главными козырями сейчас были замешательство копов и то, что дорога, пусть и неасфальтированная, позволяла им развить большую скорость, чем пересеченная местность, по которой поедут их преследователи. И то, и другое давало им временное преимущество, но часы тикали, и чем дальше, тем громче.

Внедорожник выехал на трассу и замер. Водительская дверца распахнулась и наружу, в клубы пыли вывалилась человеческая фигура.

– Что вы делаете? – спросил Энтони по радио, но понял, что женщина его сейчас, скорее всего не слышит.

Поравнявшись, он затормозил и открыл дверь. Женщина упала на колени и не то плакала, не то молилась, не то собиралась стошнить.

– Эй! – закричал он.

Она подняла голову и посмотрела на него. Не смотря на висевшую в воздухе взвесь, Энтони разглядел, что это действительно была та же самая женщина, с которой он случайно встретился в замечательной деревеньке Новая Надежда.

– Быстро за руль, – крикнул он. – Надо сматываться отсюда.

Она кивнула и забралась обратно в машину.

Энтони втопил газ.

– Держитесь за мной, – сказал он в микрофон. – Я вас выведу туда, где они нас не найдут. И выключите ваш сигнал S.O.S., пока еще кто-нибудь не явился спасать вашу душу.

Или совсем погубить, слышалось ему. Сказала ли женщина именно эти слова, или он просто не то расслышал – так тихо это было сказано? Он не был уверен, что она вообще что-то говорила.

Звездочка на радаре превратилась в обычный огонек, который пристроился позади Энжи.

Снова ожило радио:

– Мне нужно место, где есть мастерская, – судя по голосу, женщина уже оправилась, – Люцию досталось.

– Кому досталось? – переспросил Энтони. – С вами кто-то еще?

– Машину мне надо чинить. Мастерская нужна.

7. «Все, чего вам не доставало»

Энтони проснулся от стука в окно машины. Разлепляя ленивые со сна веки, он понял, что Энжи не подала сигнала тревоги, значит, все было в порядке. За стеклом пассажирской дверцы виднелось лицо Стрэй. Он поднял спинку своего кресла и открыл дверь.

– Привет, – сказала Стрэй.

– Доброе утро, – хрипло пробормотал он и прокашлялся, чтобы вернуть голос.

Стрэй засмеялась.

– Утро, – повторила она. – Да день уже давно! Я тут тебе кое-что принесла.

Она протянула ему бумажный стаканчик с кофе.

Он взял и отхлебнул маленький глоточек. Язык приятно обожгло. Ему показалось, что окружающие предметы становятся четче, а их цвета – чуточку ярче. Вкус удивил его, пробудив вдруг какие-то давние, дорогие сердцу воспоминания.

– Не эрзац? – удивился он.

– Ага, настоящий, – кивнула Стрэй.

– Где ты его раздобыла?

– У них есть немного. Я подумала, что сегодня могу себе это позволить.

– Господи! – Энтони отпил еще глоток, побольше, и какое-то время смаковал вкус. –

Представляю, сколько они с тебя содрали!

Она улыбнулась.

– Ничего. Я не миллионер, конечно, но в конце концов я у тебя в долгу.

– Спасибо, – сказал Энтони и сделал еще пару глотков.

– О, ты читаешь? – Стрэй показала на книжку, лежащую на пассажирском сидении. Вчера перед сном Энтони нашарил ее под педалями, куда она упала во время их сумасшедшей гонки, но был настолько вымотан, что просто бросил ее рядом. – Можно?

Он протянул книжку Стрэй.

– Борхес, – с интересом прокомментировала она.

На обложке не было имени автора, только название. Значит, она тоже отдала часть своей жизни буквам и другим мирам.

– Читала?

– Другие рассказы. Эту только как-то вертела в руках.

Энтони допил кофе. Насколько же замечательно, подумал он.

– Возьми, – сказал он. – Почитаешь.

– О как. Спасибо. А как же ты?

– Я перечитывал. И уже не первый раз.

Он вышел из машины и потянулся. Солнце стояло высоко, согревая своим участием неблагоприятную пустыню. Чуть поодаль из сухой земли росли несколько домиков и пара фургонов без колес. Метрах в десяти расположился ремонтный гараж, где сейчас отдыхал внедорожник Стрэй. По свежим масляным пятнам на ее джинсах Энтони понял, что ночь и первую половину дня Стрэй провела за ремонтом. На рубашке Стрэй в крупную белую и темно-серую клетку пятен не было, видимо, она надела ее недавно.

Он обошел Энжи.

– Ты вообще спала?

– Конечно. Как убитая: ужасно вымоталась. Встала с рассветом.

– Как продвигается? Помочь?

Стрэй покачала головой.

– Да нет, я почти закончила. Это, конечно, не Корпорация, но все что нужно, у них было. Зато никаких вопросов.

Он кивнул.

– Пойду умоюсь и закажу что-нибудь, – сказал он.

– У них нет влажных салфеток, – предупредила Стрэй. – Но они дадут немного воды и мочалку. Обдираловка, конечно. В смысле денег.

– Сойдет, – одобрил Энтони, – Тебе взять что-нибудь?

– Нет, спасибо. Я уже поела.

– Ну ладно. Я скоро вернусь. Если все-таки понадобится помощь, скажи.

Он направился к самому большому строению. Над входом была приколочена вывеска «Все, чего вам не доставало». Рядом стоял чей-то старый, побитый, покрытый оспинами ржавчины автомобиль.

Они добрались до этого места ближе к полуночи. Валились с ног – день у обоих, похоже, выдался утомительным. Но прежде, чем закрыться в Энжи и отойти ко сну, Энтони было необходимо прояснить некоторые вещи. Однако, не успел он выразить удивление тому, что два странника уже второй раз за несколько дней встречаются лицом к лицу в безграничной пустыне, где прихоть дорог уже давно должна была раскидать их по совершенно разным районам, как женщина сама вдруг набросилась на него с вопросом, не преследует ли он ее и, если да, то зачем. Подозрительность очень быстро проникает глубоко под кожу всем, кто привыкает балансировать на грани закона, подумал Энтони. И уж тем более тем, кто снова и снова пересекает эту грань. Не выходя из машины, она настороженно поинтересовалась, не был ли Энтони заодно с преследовавшими ее копами и не вывел ли он их на нее. Энтони удивился. Она же посылала сигнал бедствия на частотах некольцованных навигаторов, и то что он, как минимум, распознал этот сигнал, разве не должно о чем-то свидетельствовать? Да и если он заодно с копами, зачем ему спасать ее от них, когда они ее уже почти достали? А если он работает не на Государство, а на Корпорацию, предположила она, но уже менее уверенно. Энтони рассмеялся. Что в ней или у нее такого ценного, что против нее будет плестись вселенский заговор? Она призналась, что не знает. Возможно, груз, который она перевозит, какой-то очень важный. Ведь в любом случае государственные копы же за ней увязались. Энтони сказал, что все подобные вопросы он равным образом мог бы адресовать и ей. Она согласилась: патовая ситуация. Потом, помолчав, извинилась и сказала, что выходит из машины. Продолжать подзревать друг друга можно еще долго, но он ведь мог и проигнорировать ее сигнал, мог дальше заниматься своими делами и не подвергать себя ничем неоправданному риску, признала она. Он тоже вышел из Энжи. Как знак доверия, женщина показала Энтони маршрутный лист, который она получила от своего координатора и по которому доставляла какой-то чип с зашифрованной информацией.

Она сказала, что ее зовут Стрэй и внезапно призналась, что она не навигатор. Просто обычный человек. Частотный спектр диких навигаторов сохранился в машине, которая когда-то принадлежала ее другу, с которым они долгое время колесили вместе. Вот он-то и был навигатор. Он погиб несколько месяцев назад. Как? Прости, это неважно. Стрэй продолжила работать с его координатором и время от времени доставляла какие-то заказы, которые, видимо, нельзя было доверить официальной почтовой службе.

Однако, разговоры разговорами, а надо было как-то решать и насущные вопросы. Они постучались в дверь под вывеской «Все, чего вам не доставало». Дверь была закрыта и долгое время никто не выходил. Потом появился встревоженный пожилой мужчина с двустольным обрезом и женщина средних лет, которая выглядела намного спокойнее своего спутника. В окнах одного из фургонов неподалеку зажегся свет. Они договорились насчет ремонтной мастерской и скромного ужина из консервированной фасоли, которая на вкус показалась им даже очень похожа на настоящую, но едва ли она была из старых запасов, а кто бы додумался привозить гидропонику из города в такую глушь? Да и стоила бы такая фасоль на несколько порядков дороже. Женщина, разогревавшая им ужин, предложила переночевать в одном из

домишек, но они предпочли спать в своих машинах. Прежде чем забраться в свой внедорожник, Стрэй еще раз поблагодарила Энтони за то, что он спас ее. И долго молча разглядывала его лицо, выхваченное из ночи светом фар Энжи, будто бы пытаясь прочесть на нем что-то неведомое самому Энтони.

Сейчас Энтони с аппетитом уминал синтетические сосиски с макаронами. В помещении было душно, но все же попрохладнее, чем под палящим солнцем. Он запил свой завтрак разведенным порошком «Утренний витамин», взял сигарет, расплатился и направился в гараж, поинтересоваться еще раз, не нужно ли все-таки чем помочь. Стрэй уже закончила с ремонтом и расчесывала свои короткие волосы, с увлечением глядя на себя в зеркало заднего вида. Женщины, подумал Энтони. И понял, что давно соскучился по всем этим женским привычкам, которые, если однажды они были усвоены, похоже, никакая пустыня, никакие погони, никакое странничество не способны полностью извести.

– Салют, валькирия пустошей, – сказал Энтони.

– Идущие на смерть, приветствуют тебя, Цезарь, – неожиданно отозвалась Стрэй и засмеялась. – Залезай, поговорим.

Он забрался в ее машину с другой стороны. Пока он мылся и завтракал, она сняла свою клетчатую рубашку и осталась в черной легкой маечке без рукавов. На правом предплечии Стрэй Энтони с удивлением обнаружил татуировку змея, свернувшегося в кольцо и проглотившего собственный хвост. Зубчатые чешуйки на его внешней стороне делали его похожим на солнце.

– Ну, какие планы? – спросил он.

Стрэй сказала, что передохнет пару часиков и поедет отвозить чип по назначению.

– А тебе не интересно, что там за информация такая, что аж даже копы тебя выследили?

– Нет, – покачала головой Стрэй, – я же курьер. Ну... может, и интересно, но она все равно зашифрована. Даже если я загружу ее на компьютер, все равно не смогу ничего прочитать. А у тебя какие планы?

– И у меня такие же примерно, – расплывчато отозвался Энтони, потом добавил, что у его координатора его уже пару дней тоже ждет заказ.

– Все навигаторы так зарабатывают на жизнь? – поинтересовалась Стрэй.

Энтони сказал, что те, которых окольцевали Государство или Корпорация, конечно, живут по-другому. Хотя, если честно, он не очень понимает, зачем. Зачем они живут. Какой смысл быть навигатором, но создавать только то, что тебе скажут люди, которые даже представить себе не могут, что такое навигация. Да и навряд ли, судя по всему, их окольцовывают, чтобы они что-то строили – иначе бы пустыня уже давно расцвела и ожила. Нас отлавливают, чтобы поставить на учет и пресечь любые несанкционированные изменения, сказал Энтони. Чтобы не случилось второго Катаклизма, поддакнула Стрэй. Энтони удивился. Это ее друг навигатор ей такое сказал? Ну все же знают, отчего случился Катаклизм, растерялась Стрэй. Энтони признался, что все навигаторы, которых он знал, включая навигаторов первого поколения, родились или открыли у себя способность к навигации уже *после* Катаклизма. Хотя ему доводилось слышать самые бредовые истории, в том числе о том, что первых навигаторов кто-то якобы создавал искусственно, как некую улучшенную расу, он не уверен, что до того, как все случилось, вообще существовали навигаторы. Стрэй пожала плечами. В любом случае тем из них, кто сейчас еще остается на свободе, особо не приходится выбирать, как сводить концы с концами, это она поняла, путешествуя со своим другом. Энтони было согласился, но потом вдруг сказал, что они-то как раз могут выбирать, выбора нет у тех, кого окольцевало Государство, ну а что до тех, кто попал в лапы к Корпорации – ему даже и думать об этом не хочется. Да, официально Корпорация не использует навигаторов, все окольцованные навигаторы служат Государству, но тем хуже навигатору, которому не посчастливилось угодить к ней: там, где тебя официально не существует, ничто, вообще ничто не защитят тебя от произвола

твоих хозяев. По пробежавшей по лицу Стрэй тени он догадался, что смерть ее друга как-то связана с Корпорацией.

– Ты, конечно, не навигатор, – сказал он, – и большой переполох обычный курьер навряд ли поднимет... Но все-таки поосторожнее со своими клиентами и их заказами. Если ты не навигатор, то и оторваться от копов, когда тебя взяли за жабры, практически нереально.

Стрэй кивнула и пообещала быть осторожнее.

– Если что, посылай S.O.S. Хотя в следующий раз может уже не подфартить. Ангел-хранитель ведь может быть занят какими-то другими делами. Так что лучше просто не нарывайся на копов.

– Будет сделано, ангел. Кстати, – она повернулась и склонилась над задним сидением, к которому было пристегнуто несколько сумок, предложив Энтони на обозрение слегка задравшуюся майку, белую кожу спины и, ниже, самое начало лощинки, выглянувшей из-за края ее джинсов. Энтони захотел поспешно отвернуться, не из приличия, а, чтобы не терзать себя, казалось бы, позабытыми желаниями, но так и не отвел взгляда.

Стрэй достала из сумки книгу и протянула ее Энтони.

– Шопенгауэр, – прокомментировала она, – там про навигаторов.

– «Мир как воля и представление», – прочитал Энтони название книги.

– Не знаю, были ли во времена Шопенгауэра навигаторы, но книжка про них. Мой друг был в этом уверен. Он мне Шопенгауэра-то и открыл. И заставил первый раз прочитать.

Энтони спросил, если при Шопенгауэре не было навигаторов, то как книжка может быть про них? Стрэй снова пожала плечами. Когда Энтони совершает навигацию, места, куда он приедет, еще нет, сказала она. И вместе с тем как бы уже есть. Когда он еще только задумывает навигацию, навигации еще нет, места, куда он приедет, еще нет, но ведь он уже задумал, куда он хочет приехать, и значит оно есть. Есть вещи, которые в каком-то смысле существуют еще до своего рождения. Вот так и с Шопенгауэром.

– Тебе бы стоило как-нибудь почитать.

Энтони пробежал глазами какую-то маловразумительную аннотацию на обложке, где понятным было только то, что касалось самого Шопенгауэра, философа, родившегося, жившего и прочее, но никак не описание самой книги, потом без особой надежды открыл оглавление.

– ... Наша воля – часть какой-то большой, неведомой нам воли, – сказала Стрэй, и Энтони оторвался от текста. – Через волю мы представляем себе что-то. Представляем себе, в конце концов, мир. Представляем себе, каков этот мир и каким он должен быть. Однако это одно и то же, потому что мир – это только наше представление. Наше представление и наша воля. Но хотя представления у людей могут быть разными, и воля тоже, все они – проявления той большой воли. Мы же не видим большую волю, потому что увязли в порождаемых нашей личной волей желаниях. Отсюда-то наши страдания – а еще страдания других людей, которых мы и за людей-то на самом деле не считаем, потому что на самом деле нас волнуют только наши желания. Шопенгауэр пишет, что большинству наших желаний не суждено сбыться. Поэтому единственное спасение – это подавить свою волю. Мой друг говорил, что навигаторы – опровержение этой мысли. Навигаторы – шанс нашим желаниям воплотиться. Без воли к преобразованию не было бы ни единой навигации. Однако он соглашался с Шопенгауэром в том, что воля не должна быть навязана другому человека, потому что тот сам тоже живет своей волей. Оттого-то и нельзя преобразовывать рукотворные вещи. Хотя он говорил, что однажды он все-таки нарушил этот запрет.

Энтони, до этого момента слушавший просто с интересом, вдруг вздрогнул.

– Да? – переспросил он. – И что же он сделал?

Стрэй пожала плечами.

– Не знаю. Он никогда об этом не рассказывал. А теперь, похоже, мы уже никогда и не узнаем... Возьми ее с собой. Ты мне дал Борхеса, а я тебе Шопенгауэра. Обмен. Наверное, так и должны жить книги, разве нет?

Она запустила руку в кармашек, приделанный к водительской дверце, и извлекла оттуда книгу, которую подарил ей Энтони.

– Кстати, о Борхесе. Видишь, я уже положила ее в самое доступное место. Думаю, буду читать уже на следующей стоянке, – она повертела книжку в руках, полистала страницы. – Да, видно, что зачитанная. Ты тоже предпочитаешь бумажные книги?

– Пожалуй, – признался Энтони. – Еще больше – если они рукописные. Только таких сейчас не встретишь. Ну или почти. Я встречал несколько в старых библиотеках. В них есть человек. То есть в любой книжке есть человек, но в написанной от руки он почти как живой. Его почерк, наклон буковок, здесь большой нажим, здесь меньший. По почерку можно попытаться угадать, какое у человека было настроение, писал ли он в спешке, торопясь куда-то или боясь упустить пришедшую ему в голову мысль. И еще такие книги штучные. Даже, если это переписанная книга, в ней все равно живет тот, кто ее переписывал... Если я когда-нибудь буду что-то писать, то только от руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.